

законотворческого законодательства, форм организации труда, внед

Комм. правда. - 1993. - 19 янв. - с. 5

Па-де-де со смертью

Личный врач Рудольфа Нуриева раскрывает тайну, которую знали все

Да, при жизни Рудольф Нуриев просил врачей не рассказывать истинную причину его смерти. Мишель Канези, личный врач танцора, в просторном интервью французской «Фигаро», конечно же, нарушает заповедь своего пациента. «Я это делаю потому, что болезнь эта — не постыдная. Я думаю о всех анонимных пациентах, которые страдают от того, что вынуждены скрывать свой недуг и оказываются изгоями. 13—14 лет Рудольф боролся с вирусом и побеждал его благодаря своей силе и умению бороться. Об этом надо сказать. Он был слишком знаменит, чтобы скрывать правду».

В начале 1983 года молодой 30-летний врач Мишель Канези был приглашен директором Лондонского фестиваля балета для осмотра Рудольфа Нуриева на предмет какой-то банальной болезни. Осмотрев, он порекомендовал танцору сделать анализ крови. Десять лет назад о СПИДе практически еще ничего не было известно, а сам Канези впервые прочитал о вирусе всего за год до встречи с Нуриевым. Танцор сам разыскал врача уже в конце 1984 года, когда Нуриев был руководителем Парижской оперы. Во Франции же в то время не существовало даже лабораторий, где могли сделать анализы. У Канези такие связи были. Естественно, в лаборатории пациента узнали, и по Парижу распространился слух о том, что у Рудольфа Нуриева СПИД. К несчастью, это было правдой: тест был положительным. Стало ясно, что он болен уже четыре или пять лет.

Мишель Канези — такова доля медиков — выпала страшная задача рассказать о болезни своему подопечному. В то время, правда, считалось, что лишь 10 процентов носителей вируса действительно

больны. Нуриев воспринял новость спокойно, во всяком случае так показалось доктору. Канези и его знакомый вирусолог приняли решение лечить танцора новым лекарством, которое ежедневно надо было вводить внутривенно. Четыре или пять месяцев Канези следовал за Нуриевым повсюду и колол препарат.

Летом 1991 года Нуриев начал явно сдавать. При нем было запрещено даже произносить слово СПИД. Менее чем через год началась последняя стадия болезни.

Нуриев был в Санкт-Петербурге на концерте, который

давал в честь дня своего рождения. В парижской квартире Канези раздался звонок из России: «Мишель, надо что-то делать. У Руди жар, температура — 40». Когда передали трубку Нуриеву, тот наотрез отказался возвращаться в Париж. Во что бы то ни стало он хотел поехать на представление в Ялту. Во Францию его привезли чуть ли не силой. Тут же он был помещен в клинику в Леваду, а после анализов перевезен в другую больницу для срочной операции. Канези вспоминает, что в тот момент уже не надеялся, что Рудольф выживет. В это вре-

мя пришла телеграмма из Америки, в которой Джейн Херманн предлагала Нуриеву поставить «Ромео и Джульетту» Прокофьева в «Метрополитен Опера». Премьера была назначена на 6 мая 92-го. Вся команда клиники от медсестер до врачей решила: мы во что бы то ни стало поставим его на ноги. Понемногу Нуриев приходил в себя.

Из Америки то и дело звонили Канези: «Мишель, дата на носу, надо отменить спектакль» — «Ни в коем случае, это единственное, что связывает его сейчас с жизнью». Доктор поехал в Америку вместе с пациентом за десять дней до назначенного срока. Через несколько минут после начала спектакля Канези забыл о состоянии Нуриева. Зал аплодировал стоя. Все знали, какого мужества стоила эта постановка.

8 октября, в день премьеры «Баядерки», Нуриев появился на людях в последний раз. Все присутствующие в зале знали или догадывались, что дни его сочтены. Он сидел в ложе на авансцене, был бледен и страшно похудел. Скрывать его болезнь дальше было бессмысленно, тем более что на следующий день о ней написали все газеты.

20 ноября он лег в больницу и уже ничего не мог есть... Питание ему вводили через вену. Угас он спокойно, без жалоб и страданий. «Человек, который воплотил в себе все последние полвека: нищету, коммунизм, изгнание, славу, богатство и СПИД. 8 октября он показал всем, что даже у последней черты можно быть счастливым», — рассказывает Канези. И вспоминает, как Рудольф часто говорил ему: — Мишель, а ведь жить хорошо...

М. ЧИКИН.
(Наш соб. корр.).

Париж.